Обрывки воспоминаний

Э. Мисакян

Эдуард Мисакян

Обрывки воспоминаний

«Автор»

2026

Мисакян Э. С.

Обрывки воспоминаний / Э. С. Мисакян — «Автор», 2026

Перед вами — автобиографическая повесть, наполненная ностальгией, юмором и светлой грустью. Автор отказывается от строгой хронологии, предлагая читателю погрузиться в мозаику своей памяти: яркие, подчас болезненные, а иногда и комичные мгновения детства и юности, прошедших в советское время.Главная тема книги — люди и музыка, которые «слепили» автора. На страницах оживают колоритные учителя (от строгих до эксцентричных), верные друзья и школьные проказники. Отдельное место занимает страстная любовь к рок-музыке: от первых неумелых аккордов на допотопных гитарах до запрещенных «Black Sabbath» и «Nazareth», звуки которых прорывались сквозь стены спортзала, а записи переписывались на бобины в подпольных будках.Это не просто мемуары, а искреннее признание в любви ушедшей эпохе, школьным годам и тем, кто оставил след в душе. Книга о том, что жизнь состоит не из ровной ленты событий, а из обрывков, которые складываются в тихий свет памяти.

© Мисакян Э. С., 2026
© Автор, 2026

Эдуард Мисакян
Обрывки воспоминаний

Обрывки воспоминаний

Пролог. Люди, которые нас слепили

Ночью память приходит без стука. Она не спрашивает, готов ли ты, не ждёт, пока ты допишешь страницу, не считается с тем, что завтра рано вставать. Она просто садится рядом — невидимая, тёплая, чуть насмешливая — и начинает перебирать то, что у неё осталось - чью-то руку, запах мела, скрип парты, звук гитары за закрытой дверью. Лицо, которое ты не видел полвека, но почему-то помнишь яснее, чем вчерашний день. И ты лежишь, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть. Потому что это не просто воспоминания. Это те, кто тебя слепил.

Мы привыкли думать, что жизнь — это последовательность. Рождение, детство, школа, институт, работа, старость. Ровная лента, на которую можно нанизать годы, как бусины. Но стоит оглянуться — и понимаешь: никакой ленты нет. Есть обрывки, клочья, осколки. Что-то потерялось навсегда, что-то стёрлось, что-то исказилось до неузнаваемости. А что-то, наоборот, вдруг вспыхивает так ярко, что слепи́т глаза. И ты не знаешь, было ли это на самом деле или память дорисовала, досочинила, дошептала. Но разве это важно? Важно, что оно есть. Важно, что оно твоё.

Память не хранит годы подряд. Она хранит мгновения. Не всех людей, а тех, кто оставил след. Иногда — светлый. Иногда — болезненный. Иногда — такой, что до сих пор не понимаешь, за что благодарить, а за что простить. Но след есть. И ты есть — потому что он был.

Мы думаем, что вырастаем сами. Что мы — скульпторы своей судьбы, что характер высекаем из себя собственными руками. Это неправда. Или не вся правда. Нас лепят те, кто был рядом. Учителя — добрые и не очень, строгие и смешные, талантливые и случайные. Одноклассники — друзья, враги, просто люди, с которыми ты сидел за одной партой и делил мел, скуку, страх, смех. Двор, улица, музыка, книги, время. Мама, папа. Все они — гончары. А ты — глина. Иногда мягкая, податливая. Иногда сопротивляющаяся. Но всё равно глина.

Школа — это не только уроки. Это коридоры, в которых пахнет сыростью и чужими куртками. Это подоконники, на которых кто-то выцарапал признание в любви. Я не буду выстраивать хронологию. Не буду делить людей на правых и виноватых. Не буду делать вид, что помню всё. Я просто буду вспоминать. Обрывками. Как есть. Потому что цельная картина — это ложь. А обрывок — честнее. В нём есть воздух. В нём есть недосказанность. В нём есть жизнь, которая не помещается в схему.

Почему я пишу это? Не для того, чтобы восстановить прошлое. Его не так легко восстановить. Не для того, чтобы кого-то осудить или оправдать. Не для того, чтобы доказать, что моя школа была лучше или хуже чужой. Я пишу потому, что пока я помню — они живы. Все они — здесь. В этих обрывках. В этом свете.

Я собираю их, как слепой собирает свет: по крупице, по звуку, по лицу, по случайно оброненному слову. Я знаю, что не соберу всё то, что уже потеряно навсегда.

Теперь я знаю: жизнь — это не только борьба. Это ещё и память. Тихий свет, который остаётся от людей, даже когда их уже нет рядом. И если в этом свете есть хоть капля моего тепла, значит, школа не закончилась. Значит, звонок всё ещё звенит, значит, мы всё ещё вместе, значит, есть смысл продолжать. Значит, стоит начать с самого начала.

Сломанная жизнь

Никогда не забуду день, когда мама впервые повела меня в школу. Мне было семь лет, и мир казался мне большим двором, где я был самым сильным. Но в то утро всё было иначе. Отца тогда не было с нами: беда, в которой он оказался виноват, оборвала нашу прежнюю жизнь. На обратном пути домой его машина перевернулась и съехала с трассы. В машине были пассажиры. Сам он чудом остался жив, два месяца лежал в больнице. Экспертиза показала, что алкоголя в его крови не было. Но в аварии погибли две пассажирки, сидевшие на заднем сиденье, и отца осудили на четыре года. Он вышел через два по амнистии. Мы очень нуждались, и мама вынуждена была пойти работать уборщицей. Я не всё понимал тогда, но чувствовал: что-то в нашей жизни сломалось.

... Она завела меня в класс, посадила за парту и тихонько ушла, чтобы я не заметил. В классе уже было много детей — чужих, шумных, незнакомых. Я обернулся — мамы нет, и заплакал просто от того, что остался один.

Но уже на перемене я успел подраться с одноклассником Борей Гаспаряном. Я был уверен, что побью его: в нашем дворе я был самым сильным, правда, среди девочек. А когда Боря бросил меня на пол и оказался сверху, я снова заплакал — на этот раз от беспомощности. Так прошёл мой первый день в школе.

Наши учителя.

У каждого человека в памяти остаются свои учителя. Не просто люди, которые когда-то вели уроки, ставили оценки и вызывали к доске, а лица, голоса, привычки, странности, обиды и неожиданная доброта. Годы идут, формулы забываются, даты выветриваются из головы, а вот учительский взгляд, жест, любимое словечко или нелепая шутка почему-то остаются. Наверное, потому, что учителя — это не только предметы и учебники. Это часть нашего детства, нашего характера, нашей жизни. И теперь, когда жизнь бежит вперёд, хочется вспомнить их всех — строгих и смешных, мудрых и странных, тех, кого мы любили, боялись, доводили до слёз и всё равно запомнили навсегда.

Наша учительница, Александра Григорьевна, вела нас до пятого. Она была в меру строгой, но доброй и хорошей учительницей, и мы её любили. Мы уже были почти старшеклассниками, когда пришла весть о её смерти. Почти всем классом мы были на похоронах и почти всем классом плакали. Но жизнь бежала вперёд. Мы росли.

Помню нашего биолога, Михаила Григорьевича Налбандяна. Говорят, он был заслуженным учителем города. Ему было под шестьдесят, роста ниже среднего, лысый и странный. За что ему дали звание, я так и не понял. За то, что во время урока он бросал в нас разные предметы?

В классе стояло два больших сдвинутых стола, и там чего только не было: книги, тетради, горшки с растениями, безделушки, сосуды, макеты. Когда кто-то разговаривал на уроке, он мог запустить в него чем-нибудь со стола, а потом, чтобы замять неловкость, подзывал к себе и подставлял лысую голову: мол, поцелуй — и забудем. И всё это как бы в шутку. Однажды он подозвал и меня, подставил голову: целуй. Я не поцеловал, побрезговал, и он засмеялся. Вот такие плоские шутки были у нашего «заслуженного» биолога. Как-то летом я ездил с мамой в Москву к дяде, и дядя купил мне хомяков. Клетка с хомяками простояла у нас неделю, а потом я решил отнести её биологу. Он обрадовался и поставил мне «пятёрку».

Помню учительницу грузинского языка. Имя её я забыл. Очень хорошая, добрая женщина. Боже, как же мы её доводили. У нас в классе стояли парты со скошенной верхней крышкой, с выемками для ручек и чернильницы, а края откидывались вверх. Когда ученик отвечал, он мог поднять крышку и встать в полный рост, не выходя из-за парты. Мы же коленями приподнимали парты — они не были тяжёлыми — и начинали скакать, кто первым доскачет с партой до стены. Она, бедная, сидела и плакала. Но благодаря этой женщине я научился читать и писать на грузинском. Спасибо ей за это.

А Жанна Ашотовна, учительница русского языка и литературы! Умница и очень привлекательная женщина лет тридцати пяти, как сказали бы сейчас - сексапильная. В неё были влюблены почти все мальчишки класса. Она была строгая и требовательная, и именно благодаря ей я полюбил литературу.

Физрук наш, Ерванд Аполлон Бельведерский, по кличке «Ляляич», мужик сорока пяти лет. С волосами зачёсанными назад. Высокий, вечно в своих немодных спортивных брюках, из которых выпирали его мужские «достоинства» и с мячом в руке. Кстати, в старших классах он был нашим классным руководителем.

Разве можно забыть нашу химичку, и её любимое слово «Тупицы!»

Учительница пения Лидия Константиновна руководила хором. Её жестикуляцию губами, во время дирижирования надо было видеть — это не опишешь. Однажды одноклассник Женя Евсенёв, известный на весь класс шут - скоморох и Иванушка - дурачок, решил её разыграть. Был праздничный день, в классе стояло много цветов. Он лёг на учительский стол, попросил накидать на него цветы и притворился покойником. В это время в класс заходит Лидия Кон-

стантиновна. Посмотрела на стол — мы думали, её инфаркт схватит. Когда этот придурок понял, что переборщил, встал и начал извиняться.

Смутно помню ещё один обрывок из памяти: на разборки после уроков с кем-либо из ребят других классов Женя всегда приходил с немецкой овчаркой на поводке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.